Групповое психическое убежище: адаптивная защита или патологическая фиксация?

*Зоран Младенович**

Специализированная психиатрическая практика «Синтеза», Белград, Сербия

Получено: 9 мая 2026 г.
Принято: 29 июля 2026 г.
Опубликовано: 30 сентября 2026 г.

Для цитирования:
Младенович З. Групповое психическое убежище: адаптивная защита или патологическая фиксация? *Psychotherapy Science Today*. 2026;2(3):34–44. https://doi.org/10.64435/CFUT3379

OPEN ACCESS

© Автор(ы), CC BY-NC 4.0

Аннотация

Введение Концепция психического убежища традиционно рассматривается в психоаналитической литературе как патологическая защитная организация, препятствующая развитию личности и аналитического процесса. В настоящей работе предлагается пересмотреть это положение применительно к групповому анализу. Выдвигается гипотеза, согласно которой групповое психическое убежище после тяжелой психической травмы может выполнять не только защитную, но и временную адаптивную функцию, сохраняя аналитический потенциал группы до восстановления ее способности к совместной переработке травматического опыта.

Метод Теоретический анализ концепции психического убежища Джона Стайнера и ее развития в групповом анализе сопоставляется с анализом двух клинических случаев, проведенных в рамках групп-аналитической психотерапии. На основе клинического материала исследуются механизмы формирования группового психического убежища, его клинические признаки, условия перехода к хроническому функционированию и особенности терапевтических интервенций.

Результаты Анализ клинических наблюдений позволил выделить психодинамический механизм формирования группового психического убежища, предложить его клинические критерии и описать два различных пути его возникновения: как реакцию группы на внешнюю травматическую ситуацию и как следствие распространения индивидуального психического убежища одного из участников на динамическую матрицу группы. Показано, что при сохранении способности группы к восстановлению аналитической функции групповое психическое убежище может носить переходный характер и выполнять адаптивную роль, тогда как его хронизация приводит к нарушению аналитического процесса и препятствует развитию группы.

Выводы Групповое психическое убежище представляет собой самостоятельный феномен групповой динамики, который не может быть полностью сведен к индивидуальным психическим убежищам участников. Его клиническое значение определяется не самим фактом возникновения, а выполняемой функцией и продолжительностью существования. Предлагаемая модель позволяет рассматривать групповое психическое убежище как динамический процесс, возникающий в условиях психической перегрузки и имеющий различные варианты развития. Практическое значение работы заключается в обосновании терапевтической стратегии, ориентированной не на немедленное разрушение защитной организации группы, а на своевременное восстановление ее аналитической функции.

Ключевые слова: психическое убежище; групповое психическое убежище; групповой анализ; психическая травма; динамическая матрица; аналитическая функция группы; символизация; защитные механизмы.

Введение

Концепция психического убежища, предложенная Джоном Стайнером, занимает важное место в современной психоаналитической теории как описание особой защитной организации психики, возникающей в ответ на непереносимые аффекты и угрозу психической дезинтеграции.

* E-mail: zoran.mladenovic.11@gmail.com.

Психическое убежище рассматривается как форма ухода из отношений, при которой человек временно избегает контакта с внешней и внутренней реальностью, однако ценой такого ухода становится ограничение эмоционального развития, способности к символизации и построению подлинных отношений [1].

В групповом анализе данная концепция получила дальнейшее развитие. Наблюдения за динамикой аналитических групп показали, что аналогичные процессы могут возникать не только на уровне отдельного участника, но и на уровне группы как целого. В определенные периоды группа начинает функционировать как единая защитная система: снижается эмоциональная вовлеченность, исчезают свободные ассоциации, обсуждение смещается к поверхностным темам, а болезненные переживания оказываются исключенными из совместного психического пространства. Такое состояние было описано как групповое психическое убежище.

Большинство авторов рассматривают психическое убежище преимущественно как патологический феномен, препятствующий развитию аналитического процесса. Вместе с тем клинические наблюдения позволяют предположить, что при работе с психической травмой эта точка зрения не всегда оказывается достаточной. В условиях чрезмерной эмоциональной перегрузки непосредственное столкновение с травматическим материалом может превосходить способность как отдельного человека, так и группы к его переработке. В подобных ситуациях временный уход в психическое убежище может выполнять не только защитную, но и адаптивную функцию, создавая условия для сохранения целостности группы до восстановления ее способности к дальнейшему развитию.

Настоящая статья посвящена анализу именно этой функции группового психического убежища. На основании данных клинических наблюдений рассматривается гипотеза о том, что кратковременное существование группового психического убежища после травматических событий не всегда свидетельствует о патологической фиксации группового процесса. При определенных условиях оно может представлять собой переходную фазу групповой динамики, позволяющую группе сохранить способность к последующей переработке травматического опыта. Особое внимание уделяется условиям, при которых защитная функция убежища способствует развитию группы, а также роли терапевта в распознавании этого состояния, выборе момента интервенции и сопровождении группы при выходе из него.

Теоретические основания концепции группового психического убежища

Концепция психического убежища была разработана Джоном Стайнером для описания особой формы патологической психической организации, возникающей как защита от невыносимой тревоги и болезненных переживаний. В отличие от отдельных механизмов психологической защиты, представляющих собой способы снижения психической тревоги, психическое убежище — это относительно устойчивая патологическая организация внутреннего мира, объединяющая комплекс защитных процессов и обеспечивающая уход от эмоциональной реальности и психического развития посредством создания субъективно безопасного внутреннего пространства.

Оно обеспечивает ощущение безопасности и контроля, однако достигается это ценой отказа от развития, ограничения способности к символизации и разрушения подлинных объектных отношений. Именно поэтому Стайнер рассматривал психическое убежище прежде всего как препятствие аналитическому процессу: терапевтическая задача состоит в его распознавании и постепенном преодолении.

Однако концепция Стайнера была сформулирована применительно к индивидуальному психоанализу, где основным объектом анализа являются отношения пациента и аналитика. В групповом анализе психическая жизнь рассматривается иначе. Согласно З.Г. Фулксу, группа представляет собой не сумму отдельных участников, а целостную систему взаимосвязанных отношений, обладающую собственной динамикой [2]. Бессознательные процессы возникают и развиваются не только внутри личности, но и в общем коммуникативном пространстве группы — ее динамической матрице. Вследствие этого защитные процессы также могут приобретать групповой характер и становиться свойствами самой группы, а не отдельных ее участников [3].

Такое понимание открыло возможность распространить концепцию психического убежища на уровень групповой динамики. Если индивидуальное психическое убежище представляет собой уход личности из отношений с аналитиком и реальностью, то групповое психическое убежище можно рассматривать как коллективную форму ухода группы из отношений — с терапевтом, между ее участниками или с более широкими социальными системами, частью которых она является. В подобных состояниях изменения затрагивают не только отдельных членов группы, но и саму динамическую матрицу: снижается эмоциональная вовлеченность, исчезают свободные ассоциации, коммуникация становится

поверхностной, а наиболее болезненные переживания оказываются исключенными из общего пространства мышления.

В этом направлении концепцию Стайнера развивает М. Мойович. Сохраняя представление о групповом психическом убежище как коллективной защитной организации, она выдвигает принципиально новую гипотезу: в определенных условиях, прежде всего после психической травмы, временное формирование такого убежища может выполнять адаптивную функцию. Если интенсивность переживаний превосходит способность группы к их переработке, временный уход в психическое убежище может предотвратить более глубокую дезорганизацию группового процесса, сохранив возможность последующего развития [4].

Такое понимание существенно меняет традиционный взгляд на психическое убежище. В этом случае определяющим становится не сам факт его возникновения, а его функция и продолжительность существования. Кратковременное психическое убежище может создавать временный период, необходимый для восстановления способности группы к переработке травматического опыта. Напротив, длительная фиксация группы в этом состоянии приводит к утрате аналитической функции, хроническому избеганию эмоционального опыта и превращению защитного механизма в фактор, препятствующий развитию.

Таким образом, возникает принципиальный теоретический вопрос: следует ли рассматривать групповое психическое убежище исключительно как патологический феномен или при определенных условиях оно представляет собой закономерную переходную фазу восстановления группы после травмы? Именно анализ этого вопроса и составляет предмет настоящей статьи.

Модель формирования и развития группового психического убежища

Предлагаемая модель исходит из предположения, что групповое психическое убежище представляет собой не самостоятельное патологическое образование, а один из возможных способов функционирования динамической матрицы группы в условиях психической перегрузки. Его возникновение определяется не столько самим фактом травмы, сколько соотношением между интенсивностью травматического воздействия и способностью группы к совместной переработке возникающих переживаний.

При обычном функционировании аналитической группы эмоциональные переживания участников становятся материалом совместного мышления. Аналитическая группа выполняет контейнирующую функцию, позволяющую удерживать интенсивные аффекты, преобразовывать их в психически переработанный опыт и возвращать участникам в форме, доступной для осмысления. Благодаря свободным ассоциациям, символизации и интерпретациям становится возможной совместная переработка эмоционального опыта, обеспечивающая развитие как отдельных участников, так и группы в целом [5].

Однако травматическое событие может временно превысить возможности группы по переработке эмоционального опыта. Если интенсивность тревоги, страха, горя, чувства вины или бессилия оказывается выше способности группы удерживать эти переживания в аналитическом пространстве, происходит временный коллапс функции совместного мышления [6, 7]. В этом состоянии динамическая матрица перестает выполнять свою основную аналитическую функцию [8].

Ответом на такой коллапс становится бессознательная коллективная защитная перестройка группового процесса. Вместо совместного исследования эмоциональной реальности группа бессознательно организует пространство, минимизирующее контакт с наиболее болезненными переживаниями. Коммуникация становится более поверхностной, свободные ассоциации постепенно исчезают, снижается эмоциональная насыщенность обсуждения, возрастает количество интеллектуализации, идеализации, бытовых разговоров или других способов избегания травматического материала. Именно это состояние мы рассматриваем как групповое психическое убежище.

Согласно предлагаемой модели, дальнейшее развитие процесса может происходить по трем различным сценариям.

Первый сценарий заключается в том, что даже после травматического события аналитическая способность группы оказывается достаточной для переработки переживаний. В этом случае временное усиление защит не приводит к формированию психического убежища, а группа сохраняет рабочую динамическую матрицу и постепенно интегрирует травматический опыт.

Второй сценарий предполагает формирование переходного группового психического убежища. Временное ограничение контакта с травматическим материалом позволяет группе избежать более глубокой дезорганизации и сохранить собственную целостность. По мере восстановления способности к совместному мышлению, своевременных интерпретаций и возобновления эмоциональной коммуникации группа постепенно выходит из убежища. В этом случае психическое убежище выполняет функцию своеобразного

психологического моратория, создавая условия для последующей переработки травматического опыта.

Третий сценарий развивается тогда, когда убежище становится устойчивой формой существования группы. Защитная организация перестает быть временной и начинает определять функционирование всей динамической матрицы. Избегание эмоциональной реальности приобретает хронический характер, снижается способность к символизации и аналитическому мышлению, а сама группа постепенно утрачивает свой терапевтический потенциал. В этих условиях психическое убежище превращается из адаптивной защиты в патологическую организацию, препятствующую дальнейшему развитию.

Таким образом, предлагается рассматривать групповое психическое убежище не как статическое образование, а как динамический процесс. Его клиническое значение определяется не только особенностями защитной организации, но прежде всего ее функцией, продолжительностью существования и способностью группы восстановить аналитическое мышление. Именно фактор времени в сочетании с эффективностью терапевтических интервенций определяет, станет ли психическое убежище переходным этапом восстановления или хронической формой патологического функционирования группы.

Предлагаемая модель позволяет по-новому интерпретировать роль терапевта. Его задача состоит не в немедленном разрушении защитной организации группы, а в распознавании момента, когда временно необходимая защита начинает препятствовать развитию. Следовательно, терапевтическое вмешательство направлено не столько против существования психического убежища как такового, сколько против его хронизации.

Клинические признаки группового психического убежища

Если рассматривать групповое психическое убежище как самостоятельный феномен групповой динамики, возникает практический вопрос: каким образом терапевт может распознать его формирование? Наши клинические наблюдения позволяют предположить, что переход группы в психическое убежище сопровождается не отдельным симптомом, а характерным изменением функционирования всей динамической матрицы. Ни один из описанных ниже признаков не является специфичным сам по себе. Однако их одновременное появление и постепенное нарастание позволяют говорить о формировании группового психического убежища.

Первым и наиболее заметным признаком становится **снижение способности группы к свободному ассоциированию.** Вместо естественного развития ассоциативного процесса обсуждение приобретает линейный, заранее предсказуемый характер. Возникают длительные монологи, повторение уже известных тем, исчезает способность группы совместно развивать возникающий материал.

Одновременно происходит **заметное обеднение эмоциональной жизни группы**. Несмотря на наличие объективно значимых или травматических событий, эмоциональные реакции становятся слабыми, однообразными или полностью отсутствуют. Создается впечатление, что наиболее болезненные переживания перестают существовать в общем психическом пространстве группы.

Следующим характерным феноменом становится **замещение аналитической работы обсуждением бытовых, интеллектуальных или отвлеченных тем**. Коммуникация продолжается, однако ее функция изменяется. Разговор поддерживает контакт между участниками, но перестает выполнять аналитическую задачу исследования бессознательных процессов. Формируется своеобразная иллюзия активной групповой работы при фактическом избегании эмоционально значимого материала.

Характерным признаком является также **избегание травматического содержания**. Группа может обходить молчанием события, которые объективно определяют ее эмоциональное состояние, либо упоминать их исключительно в описательной форме без исследования возникающих чувств, фантазий и переносных реакций. В результате травматический опыт оказывается изолированным от аналитического процесса.

По мере развития психического убежища **снижается способность группы к символизации**. Сновидения становятся реже или обсуждаются поверхностно, уменьшается количество метафорических образов и спонтанных ассоциаций, ослабевает способность связывать внешние события с внутренней психической реальностью. Коммуникация становится преимущественно конкретной и описательной.

Во многих случаях наблюдается **усиление идеализации терапевта, отдельных участников или самой группы**. Подобная идеализация нередко сопровождается переживанием особой безопасности внутри группы, исключающей необходимость исследования возникающих напряжений и конфликтов. Парадоксально, но именно чрезмерное ощущение спокойствия и отсутствия конфликтов может свидетельствовать

не о зрелости группы, а о формировании коллективной защитной организации.

Еще одной особенностью становится **изменение субъективного переживания времени**. Группа словно перестает двигаться вперед. Одни и те же темы повторяются на протяжении многих встреч без появления нового понимания, а ощущение развития аналитического процесса постепенно исчезает. Возникает своеобразная временная стагнация, напоминающая описанную Джоном Стайнером вневременность индивидуального психического убежища.

Наконец, существенным диагностическим признаком является **изменение характера переноса и контрпереноса**. Терапевт может испытывать желание отказаться от интерпретаций, поддерживать поверхностную коммуникацию или бессознательно присоединяться к коллективному избеганию болезненных переживаний. Именно поэтому осознание собственного контрпереноса и регулярная супервизия приобретают особое значение при работе с подобными группами.

Представленные признаки следует рассматривать не как формальные диагностические критерии, а как клинические ориентиры. Их значение определяется не отдельными проявлениями, а общей организацией группового процесса. Чем больше признаков одновременно присутствует в динамической матрице и чем устойчивее они сохраняются во времени, тем выше вероятность того, что группа функционирует в режиме психического убежища.

Клинические иллюстрации

Для проверки предложенной модели были проанализированы два клинических случая, в которых наблюдалось формирование группового психического убежища. Несмотря на существенные различия в условиях работы и характере травматического события, анализ проводился по единой схеме. Такой подход позволяет рассматривать клинические наблюдения не как самостоятельные описания, а как материал для сопоставления с предложенной теоретической моделью.

Каждый случай анализировался по следующим параметрам:

- **Контекст группы.** Рассматриваются особенности группы, имеющие значение для понимания дальнейшей динамики: состав участников, этап развития группы, условия проведения терапии и характер отношений с более широкими социальными системами.
- **Травматическое событие.** Определяется событие или совокупность обстоятельств, приведших к резкому возрастанию эмоциональной нагрузки и нарушению способности группы к совместной переработке переживаний.
- **Формирование группового психического убежища.** Анализируется последовательность изменений групповой динамики, приведших к возникновению коллективной защитной организации.
- **Клинические признаки убежища.** Описываются наблюдаемые проявления, соответствующие предложенным диагностическим критериям: изменение характера свободных ассоциаций, эмоциональной жизни группы, символизации, коммуникации, переносных процессов и отношения к травматическому материалу.
- **Терапевтические интервенции.** Рассматриваются вмешательства терапевта, направленные на распознавание группового психического убежища, повышение осознавания происходящих процессов и восстановление аналитической функции группы.
- **Выход из группового психического убежища.** Анализируется динамика восстановления аналитического процесса, изменения эмоциональной коммуникации, возвращение способности к символизации и совместному осмыслению травматического опыта.
- **Исход.** Оценивается влияние пережитого опыта на дальнейшее развитие группы и определяется, соответствовал ли наблюдаемый процесс переходному или хроническому варианту группового психического убежища.

Использование единой схемы анализа позволяет сопоставить оба случая между собой и определить, насколько они соответствуют предложенной модели формирования и развития группового психического убежища. Особое внимание уделяется не самим травматическим событиям, а изменениям динамической матрицы группы, возникающим в ответ на них, а также условиям, определяющим переход защитной организации от временной адаптивной функции к патологической фиксации.

Случай 1. Переходное групповое психическое убежище как ответ на внешнюю угрозу

Контекст

Группа проводилась в отделении лечения зависимостей Специальной психиатрической больницы в Ковине. Все участники одновременно являлись пациентами отделения, поэтому аналитическая группа функционировала в постоянном взаимодействии с больничной системой и жизнью отделения. Сессии проходили два раза в неделю,

период наблюдения длился с июня 2022 года по сентябрь 2023 года.

На протяжении наблюдаемого периода группа демонстрировала устойчивое аналитическое функционирование. Участники свободно ассоциировали, исследовали возникающие чувства и связывали актуальные события своей жизни с личной историей и бессознательными конфликтами. Группа в целом выполняла контейнирующую функцию, позволяя перерабатывать интенсивные переживания.

Травматическое событие

Ситуация изменилась после поступления в отделение пациента, активно вовлекавшего других больных в деструктивные формы поведения. Он систематически обесценивал лечение, склонял пациентов к прекращению терапии и предпринимал попытки распространения наркотиков внутри отделения. Хотя впоследствии его действия были выявлены администрацией больницы и он был исключен из терапевтического сообщества, уже само появление подобной угрозы существенно нарушило чувство безопасности группы.

Для участников группы эта ситуация оказалась не просто внешним событием, а фактором, резко повысившим уровень тревоги и разрушившим ощущение защищенности, необходимое для аналитической работы.

Формирование группового психического убежища

После возникновения угрозы динамика группы заметно изменилась. Если ранее участники свободно обсуждали собственные переживания и связывали происходящие события с внутренним опытом, то теперь аналитический процесс практически остановился.

Свободные ассоциации постепенно исчезли. Вместо исследования эмоционального опыта группа все чаще погружалась в продолжительное молчание или обсуждение нейтральных бытовых тем. Переживания, связанные с происходящими событиями в отделении, практически не затрагивались, несмотря на их очевидную значимость для всех участников.

С точки зрения предложенной модели эти изменения свидетельствовали о формировании группового психического убежища. Группа ограничила контакт с наиболее болезненными переживаниями, временно отказавшись от аналитической переработки травматического опыта.

Клинические признаки

В рассматриваемом случае наблюдалось большинство описанных ранее признаков группового психического убежища:

- исчезновение свободных ассоциаций;
- выраженное эмоциональное обеднение;
- замещение аналитической работы бытовыми разговорами;
- избегание обсуждения травматической ситуации;
- временная остановка развития группового процесса.

Совокупность этих изменений свидетельствовала не о снижении активности отдельных участников, а об изменении функционирования всей динамической матрицы.

Терапевтические интервенции

Решающим моментом стало появление первого открытого высказывания о страхе. Один из участников предположил, что некоторые члены группы могут быть связаны с пациентом, распространявшим наркотики. Это высказывание стало точкой восстановления аналитического процесса.

В дальнейшем терапевтические интервенции были направлены не на обсуждение внешних обстоятельств как таковых, а на исследование возникающих чувств. Постепенно в группе появились переживания страха, гнева, бессилия и разочарования. Значительная часть агрессии была адресована терапевту, которому участники бессознательно приписывали ответственность за неспособность защитить группу. Благодаря интерпретациям переносных процессов эмоциональные переживания постепенно стали предметом совместного анализа.

Выход из психического убежища

По мере восстановления эмоциональной коммуникации группа постепенно вышла из состояния психического убежища. Возобновились свободные ассоциации, участники вновь начали связывать происходящие события со своим внутренним опытом, усилилась способность группы совместно исследовать возникающие чувства.

Пережитая ситуация перестала быть исключительно внешней угрозой и превратилась в материал для аналитической работы. Для многих участников она позволила обнаружить характерную для них тенденцию уходить из отношений в ситуации переживания опасности или недоверия.

Исход

Данный случай соответствует модели переходного группового психического убежища. Возникшая защитная организация носила временный характер и не привела к разрушению аналитической функции группы. Своевременная интерпретация позволила восстановить способность группы к совместной переработке травматического

опыта. После выхода из психического убежища наблюдалось усиление групповой сплоченности, повышение уровня доверия и расширение способности участников выдерживать интенсивные эмоциональные переживания без необходимости коллективного ухода в защитное образование.

Случай 2. Формирование группового психического убежища под влиянием индивидуального психического убежища одного из участников

Контекст

Второй случай относится к аналитической группе, проводившейся в частной практике в Белграде. Период наблюдения составил около трех лет. Группа начала работу вскоре после двух массовых убийств, произошедших в Сербии в мае 2023 года. Эти события оказали глубокое влияние на все общество и стали частью эмоционального контекста, в котором формировалась динамическая матрица группы.

Один из участников (далее — пациент С.) потерял близкого человека во время трагедии. Остальные участники не были затронуты столь непосредственно, однако переживали последствия коллективной травмы. Таким образом, группа одновременно существовала в пространстве общего травматического опыта и различной степени индивидуальной вовлеченности в него.

Травматическое событие

Для пациента С. массовое убийство стало тяжелой психической травмой, сопровождавшейся утратой значимого объекта. В ходе аналитической работы стало очевидно, что переживание утраты периодически сменялось состоянием эмоциональной недоступности, в котором практически отсутствовал контакт как с собственными чувствами, так и с реальностью произошедшего.

Постепенно стало очевидно, что речь идет не только об индивидуальном психическом убежище пациента, но и о его влиянии на функционирование всей группы.

Формирование группового психического убежища

Первоначально изменения наблюдались преимущественно у пациента С. Он избегал обсуждения утраты, постоянно переводил разговор на общие темы, отвергал любые попытки исследования собственных переживаний и поддерживал поверхностную коммуникацию. Однако со временем аналогичные изменения начали проявляться и в работе всей группы.

Участники все реже возвращались к травматическому материалу, предпочитая обсуждать нейтральные темы. Вместо совместного исследования переживаний возникала своеобразная коллективная договоренность не приближаться к эмоционально наиболее болезненным аспектам опыта пациента С. Постепенно индивидуальное психическое убежище стало организующим фактором всей динамической матрицы.

Клинические признаки

В период формирования группового психического убежища наблюдались следующие признаки:

- избегание обсуждения травматического опыта;
- преобладание поверхностной коммуникации;
- эмоциональное обеднение группового процесса;
- усиление идеализации терапевта и группы;
- снижение способности к символизации;
- постепенное вовлечение остальных участников в коллективное избегание болезненных переживаний.

Особенно показательным было то, что сама группа воспринимала подобное состояние как спокойное и безопасное, хотя аналитический процесс практически остановился.

Терапевтические интервенции

Постепенное осознавание группового психического убежища происходило не только благодаря интерпретациям терапевта, но и через символический материал, возникавший в группе.

Одним из наиболее значимых эпизодов стал сон пациента С., увиденный в начале терапии. Во сне он плыл к тонущему «Титанику», неся на спине погибшего близкого человека. Поднимаясь на борт по канатам, он видел терапевта, который стоял неподвижно и не помогал ему. Несмотря на предупреждения окружающих о том, что корабль тонет, пациент продолжал подъем, испытывая чувство собственной правоты и убежденность, что опасность преувеличена. Лишь оказавшись на палубе, он понял, что корабль действительно идет ко дну.

При последующем обсуждении сна пациент рассказал, что с детства восхищался героем фильма «Титаник», погибшим ради спасения любимой женщины, и неоднократно фантазировал о подобной героической смерти. Это позволило увидеть двойственную природу его психического убежища. С одной стороны, оно сохраняло внутреннюю связь с утраченным объектом и защищало от невыносимой боли утраты. С другой — оно представляло собой саморазрушительное образование, поддерживавшее суицидальные фантазии и препятствовавшее переживанию горя. Для группы этот сон оказался первым символическим изображением природы того

пространства, в которое постепенно втягивались все участники.

Не менее важным оказался эпизод, возникший значительно позже. Во время обсуждения физических явлений разговор зашел о черных дырах. Используя эту тему как возможность для интерпретации происходящего в группе, терапевт задал вопрос: «Интересно, есть ли сейчас в нашей группе черная дыра?» После короткого периода молчания пациент С. сказал, что чувствует себя черной дырой в группе и что затягивает в свою черную дыру и других участников группы.

Эта метафора стала переломным моментом терапии. Впервые пациент смог осознать, что его индивидуальное психическое убежище перестало быть исключительно внутренним процессом и стало организующим фактором групповой динамики. Одновременно и сама группа получила возможность увидеть происходящее не как совокупность индивидуальных трудностей, а как коллективный процесс, в котором все участники бессознательно поддерживали существование группового психического убежища.

Выход из психического убежища

По мере восстановления способности группы выдерживать интенсивные переживания начали возвращаться свободные ассоциации и эмоциональная коммуникация. Вместо коллективного избегания участники стали постепенно исследовать переживания утраты, вины, страха, бессилия и горя. Это позволило группе вновь выполнять контейнирующую функцию, необходимую для процесса проживания утраты.

Исход

В отличие от первого случая, групповое психическое убежище в данном примере оказалось значительно более устойчивым. Его существование поддерживалось не внешней угрозой, а постоянным воздействием индивидуального психического убежища одного из участников на динамическую матрицу группы. Вместе с тем постепенное восстановление аналитической функции подтвердило, что даже в подобных условиях групповое психическое убежище может быть преодолено при условии сохранения способности группы к совместному мышлению и своевременных терапевтических интервенций.

Данный случай демонстрирует иной механизм формирования группового психического убежища. Если в первом наблюдении определяющим фактором стала внешняя угроза, то здесь коллективная защитная организация возникла вследствие распространения индивидуального психического убежища на групповую динамику. Это позволяет предположить существование различных путей формирования одного и того же группового феномена.

Механизм формирования группового психического убежища

На основании представленных клинических наблюдений можно предположить, что формирование группового психического убежища представляет собой последовательный психодинамический процесс, возникающий в ответ на перегрузку аналитической функции группы.

Исходным условием является появление травматического события, интенсивность которого превышает способность группы к совместной переработке эмоционального опыта. При обычном функционировании аналитическая группа выполняет контейнирующую функцию: возникающие аффекты становятся предметом свободных ассоциаций, символизации и совместного осмысления. Именно этот процесс позволяет постепенно интегрировать эмоциональный опыт в психическую жизнь группы.

После тяжелой травмы интенсивность переживаний может оказаться настолько высокой, что возможности динамической матрицы по их переработке временно исчерпываются. В результате нарушается способность группы удерживать эмоциональное напряжение, не прибегая к массивным коллективным защитам. Можно говорить о своеобразном коллапсе аналитической функции группы.

Одним из первых проявлений этого процесса становится снижение способности к символизации, которое сопровождается нарушением процессов ментализации и превращения аффективного опыта в осмысленные психические представления [9]. Исчезают свободные ассоциации, уменьшается количество сновидений, образов и метафор, эмоционально насыщенные переживания перестают превращаться в материал совместного мышления. Коммуникация становится преимущественно конкретной, описательной или интеллектуализированной.

Параллельно происходит постепенное изменение характера групповых отношений. Вместо исследования эмоциональной реальности группа начинает организовывать взаимодействие таким образом, чтобы минимизировать контакт с наиболее болезненными переживаниями. Возникает коллективное избегание травматического материала. Эмоциональная жизнь группы становится беднее, обсуждение смещается к нейтральным темам, усиливаются различные формы психологической дистанции.

По мере усиления коллективного избегания происходит перестройка всей динамической матрицы. Защитная организация начинает определять функционирование группы в целом. Одним из механизмов стабилизации такого состояния становится идеализация терапевта, отдельных участников или самой группы. Переживание безопасности начинает поддерживаться не способностью группы перерабатывать переживания, а отсутствием соприкосновения с ними.

Таким образом формируется групповое психическое убежище — коллективное защитное образование, временно ограничивающее контакт группы с психической реальностью. В этот период эмоциональное напряжение уменьшается, однако одновременно снижается способность группы к развитию. Аналитическая функция временно уступает место защитной.

Дальнейшее развитие процесса определяется продолжительностью существования этого защитного образования и возможностью восстановления аналитической функции группы. Если по мере снижения интенсивности травматических переживаний и благодаря терапевтическим интервенциям группа вновь начинает выдерживать эмоциональное напряжение, восстанавливаются свободные ассоциации, символизация и совместное мышление. В этом случае групповое психическое убежище выполняет переходную адаптивную функцию.

Если же защитная организация становится устойчивым способом функционирования группы, избегание постепенно превращается в хронический принцип организации динамической матрицы. Аналитический процесс утрачивает способность к развитию, а психическое убежище становится патологической формой существования группы.

Предлагаемый механизм позволяет объяснить, почему возникновение группового психического убежища не следует рассматривать исключительно как негативное явление. Само по себе оно представляет собой закономерную защитную реакцию группы на перегрузку ее аналитической функции. Патологическим становится не возникновение убежища, а невозможность выхода из него после восстановления способности группы к совместной переработке эмоционального опыта.

Обсуждение

Представленные клинические наблюдения позволяют по-новому взглянуть на концепцию психического убежища применительно к групповому анализу. Хотя исходной теоретической основой настоящей работы послужила концепция Джона Стайнера, результаты анализа позволяют предположить, что при рассмотрении групповых процессов она нуждается в определенном расширении [10].

Стайнер рассматривал психическое убежище как патологическую защитную организацию, препятствующую развитию личности и аналитического процесса. В этой модели убежище представляет собой пространство, в котором пациент избегает контакта с психической реальностью, а основной терапевтической задачей становится распознавание и постепенное преодоление этой защитной организации. Представленные в настоящей работе наблюдения не противоречат данной концепции, однако позволяют предположить, что при работе с травмой подобная оценка оказывается недостаточной. В условиях экстремальной психической перегрузки временное ограничение контакта с наиболее болезненными переживаниями может выполнять функцию сохранения способности группы к дальнейшему развитию.

Такое понимание согласуется с основными положениями группового анализа З.Г. Фулкса. Если рассматривать группу как самостоятельную систему отношений, обладающую собственной динамической матрицей, то и защитные процессы следует понимать не только как индивидуальные, но и как групповые феномены. В этом случае групповое психическое убежище представляет собой не простую сумму индивидуальных защит участников, а особое состояние самой динамической матрицы, при котором коллективная защитная организация временно заменяет аналитическую функцию группы.

Предлагаемая интерпретация также развивает идеи М. Мойович о возможности существования позитивного группового психического убежища [4, 11]. Представленный материал позволяет уточнить эту концепцию. На наш взгляд, решающее значение имеет не оценка убежища как позитивного или негативного, а анализ его функции и динамики. Именно поэтому более продуктивным представляется различение переходного и хронического группового психического убежища. В первом случае защитная организация носит временный характер и завершается восстановлением аналитической функции группы. Во втором она становится устойчивым способом функционирования динамической матрицы, препятствуя дальнейшему развитию.

Полученные наблюдения во многом согласуются и с современными представлениями о психической травме. Последние исследования груп-

повой психотерапии травмы также показывают, что первоначальное ограничение контакта с травматическим материалом может выполнять временную регулирующую функцию, создавая условия для постепенного восстановления способности группы к совместной переработке переживаний [12, 13]. Большинство современных моделей рассматривают первоначальное избегание травматического опыта как закономерную реакцию психики на чрезмерную эмоциональную перегрузку. Терапевтическая задача заключается не в немедленном разрушении защит, а в постепенном восстановлении способности человека или группы выдерживать и символизировать травматические переживания. С этой точки зрения групповое психическое убежище может рассматриваться как одна из форм коллективной регуляции аффекта, возникающая при временной утрате аналитической функции группы.

Особый интерес представляет механизм формирования группового психического убежища. Представленные случаи позволяют предположить существование по меньшей мере двух различных путей его возникновения. В первом случае коллективная защитная организация сформировалась вследствие внешней угрозы, превысившей возможности группы по переработке эмоционального опыта. Во втором случае определяющим фактором стало распространение индивидуального психического убежища одного из участников на динамическую матрицу всей группы посредством процессов переноса, проективной идентификации и феномена эквивалентности. Несмотря на различие исходных механизмов, оба процесса завершились формированием сходной защитной организации, обладавшей общими клиническими признаками.

Практическое значение предлагаемой модели заключается в изменении терапевтической стратегии. Если рассматривать любое групповое психическое убежище исключительно как патологический феномен, естественным становится стремление как можно быстрее вывести группу из этого состояния. Однако представленные наблюдения позволяют предположить, что конфронтация с коллективной защитой может оказаться преждевременной, если группа еще не восстановила способность выдерживать интенсивные аффекты. В подобных ситуациях задачей терапевта становится не разрушение психического убежища как такового, а постоянная оценка того, сохраняет ли оно адаптивную функцию или уже превратилось в хроническую форму избегания психической реальности.

Таким образом, предложенная концепция не отвергает классическое понимание психического убежища, а расширяет его применительно к групповому анализу и работе с психической травмой. Современное развитие группового анализа характеризуется переходом от понимания отдельных феноменов групповой динамики как статических образований к их рассмотрению как непрерывных процессов, разворачивающихся в изменяющейся динамической матрице группы [14]. В этом контексте групповое психическое убежище представляется возможным рассматривать не как фиксированное патологическое образование, а как процесс, клиническое значение которого определяется его функцией, продолжительностью существования и влиянием на восстановление аналитической функции группы.

Заключение

Представленные клинические наблюдения и их теоретический анализ позволяют сформулировать следующие выводы.

Во-первых, групповое психическое убежище следует рассматривать как самостоятельный феномен групповой динамики, возникающий на уровне динамической матрицы группы и не сводимый к простой совокупности индивидуальных защит ее участников.

Во-вторых, формирование группового психического убежища представляет собой закономерную реакцию на ситуацию, в которой интенсивность травматического опыта временно превышает способность группы к его совместной переработке. В основе этого процесса лежит нарушение аналитической функции группы, сопровождающееся снижением символизации, коллективным избеганием травматического материала и формированием общей защитной организации.

В-третьих, групповое психическое убежище не следует рассматривать исключительно как патологическое явление. В условиях тяжелой психической травмы оно может выполнять переходную адаптивную функцию, временно защищая группу от более глубокой дезорганизации и сохраняя возможность последующего восстановления аналитического процесса.

В-четвертых, клиническое значение группового психического убежища определяется не фактом его возникновения, а его функцией, продолжительностью существования и влиянием на дальнейшее развитие группы. В этой связи представляется целесообразным различать переходное и хроническое групповое психическое убежище как две различные формы организации групповой динамики.

В-пятых, предложенная модель имеет практическое значение для групповой психотерапии. Задача терапевта состоит не в немедленном разрушении коллективной защитной организации, а в распознавании ее функции и выборе такого момента интервенции, когда группа вновь приобретает способность выдерживать интенсивные аффекты, символизировать переживания и восстанавливать аналитическое мышление.

Предлагаемая концепция не противоречит классической модели психического убежища Джона Стайнера, а развивает ее применительно к групповому анализу и работе с психической травмой. Она позволяет рассматривать групповое психическое убежище как динамический процесс, клиническое значение которого определяется не самим существованием защитной организации, а ее ролью в сохранении или утрате способности группы к развитию.

Представленная модель основана на анализе двух клинических наблюдений и носит характер теоретического обобщения. Ее дальнейшая разработка требует накопления нового клинического материала, уточнения диагностических критериев группового психического убежища и изучения факторов, определяющих переход защитной организации от временной адаптивной функции к хронической патологической форме.

Литература

1. Steiner J. Psychic retreats: pathological organizations in psychotic, neurotic and borderline patients. London: Routledge; 1993.
2. Foulkes SH, Anthony EJ. Group Psychotherapy: The Psychoanalytic Approach. London: Karnac Books; 1965.
3. Foulkes SH. Problems of the large group. B: Foulkes SH. Selected Papers of S.H. Foulkes: Psychoanalysis and Group Analysis. London: Karnac Books; 1990. p. 249–269.
4. Mojović M. Group psychic retreats. Belgrade: Group Analytic Society Belgrade; 2007.
5. Bion WR. Learning from experience. London: Heinemann; 1962.
6. Herman JL. Trauma and recovery: the aftermath of violence — from domestic abuse to political terror. New York: Basic Books; 1997.
7. Bion WR. Experiences in groups and other papers. London: Routledge; 2004.
8. Hopper E. Traumatic experiences in the unconscious life of groups. London: Jessica Kingsley Publishers; 2003.
9. Fonagy P, Gergely G, Jurist EL, Target M. Affect regulation, mentalization and the development of the self. New York: Other Press; 2002.
10. Tamas N. Some thoughts on psychic retreats. British Journal of Psychotherapy. 2016;32(1):65–78. https://doi.org/10.1111/bjp.12196
11. Mojović M. Manifestations of psychic retreats in social systems. B: Hopper E, Weinberg H, ред. The Social Unconscious in Persons, Groups and Societies. London: Karnac Books; 2011. p. 209–234.
12. Weinberg H, Nuttman-Shwartz O, Gilmore M. Trauma groups: an overview. Group Analysis. 2005;38(2):187–202. https://doi.org/10.1177/0533316405052378
13. Weinberg H. Social trauma and the social unconscious — using the large group for healing. B: Leiderman LM, Buchele BJ, ред. Advances in Group Therapy Trauma Treatment. Routledge; 2025. p. 145–157.
14. Hopper E. The tripartite matrix in the developing theory and expanding practice of group analysis. London: Routledge; 2024.